Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

46/1-2 | 2005
La Russie vers 1550

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НИЖЕГОРОДСКОГО ДВОРЯНСТВА

Pavel V. CHECHENKOV

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/8788>

DOI : 10.4000/monderusse.8788

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2005

Pagination : 133-146

ISBN : 2-7132-2055-6

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Pavel V. CHECHENKOV, « Персональный состав нижегородского дворянства », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 46/1-2 | 2005, mis en ligne le 01 janvier 2007, consulté le 04 septembre 2022.
URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8788> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.8788>

Tous droits réservés

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_461&ID_ARTICLE=CMR_461_0133

Персональный состав нижегородского дворянства

par Pavel V. CHECHENKOV

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2005/1-2 - Vol 46

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713220556 | pages 133 à 146

Pour citer cet article :

– V. CHECHENKOV P., *Cahiers du monde russe* 2005/1-2, Vol 46, p. 133-146.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

ПАВЕЛ В. ЧЕЧЕНКОВ

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НИЖЕГОРОДСКОГО ДВОРЯНСТВА И УПРАВЛЕНИЕ НИЖЕГОРОДСКИМ КРАЕМ В СЕРЕДИНЕ XV – СЕРЕДИНЕ XVI В.

Выбранная тема напрямую связана с одним из ключевых вопросов русской истории – формированием единого государства. Существенную роль в разработке данной проблемы играет изучение способов адаптации ранее независимых земель и княжеств к новым порядкам, фиксация индивидуальных особенностей «вживания» отдельных территорий в общегосударственный организм. Современные исследования показывают, насколько длительным и нелегким был этот процесс. Особый интерес вызывают трансформация обособленных групп феодалов в единое служилое сословие, система управления в новых областях Московского государства и ее соотношение с местными дворянскими корпорациями¹. Эффективный поиск центральными властями действенных инструментов социальной и административной политики в конечном итоге обеспечил успех

1. Об интересе к этим сюжетам на современном этапе развития науки свидетельствуют работы последних лет. См.: В. Д. Назаров, «Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г.», *Российское государство в XIV-XVII вв.: Сб. ст., посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева*, СПб., 2002, с. 567-584; Он же, «О титулованной знати в России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1495 г.)», *Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева*, М., 2000, с. 189-206; Он же, «Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV в.», *Русский дипломатический (далее – РД)*, вып. 5, М., 1999, с. 175-196; С. В. Стрельников, «К вопросу о дворцовой подведомственности Ростова Великого в конце XV-XVI вв.», *Очерки феодальной России*, вып. 6, М., 2002, с. 97-101; С. З. Чернов, *Волок Ламский в XIV-первой половине XVI в.: Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации*, М., 1998 (Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования, т. 1).

централизации. В литературе неоднократно отмечалось наличие значительных областных различий в России XV-XVI вв., что обуславливает особое значение региональных исследований для данного периода. Такие работы существуют по Ярославлю, Твери, Рязани, Новгороду, Пскову и некоторым другим землям². При этом лучше оказались освещены судьбы княжеско-боярской элиты. Нижегородскому краю до последнего времени уделялось сравнительно меньше внимания, а между тем присоединение Нижегородского княжества было крупной победой московских властей. По сути, это наиболее значительный успех после закрепления за династией Калитичей великого княжения Владимирского. Из четырех существовавших к концу XIV в. великих княжеств Северо-Восточной Руси Нижегородское первым потеряло независимость. Тем самым оно открыло длинный список крупных (как по политическому значению, так и по территории) государственных образований, поглощенных Москвой, список, в который позднее вошли и Тверь, и Рязань, и Новгород. Это был первый опыт насильственного присоединения. На Нижегородских землях отрабатывались механизмы включения других регионов в состав зарождающегося Русского государства. Вместе с тем, централизационные процессы в Нижегородском крае остаются наименее изученными³. Исследованию их препятствует

2. Ю. Г. Алексеев, *Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI вв.: Переяславский уезд*, М.-Л., 1966; В. Н. Бернадский, *Новгород и Новгородская земля в XV в.*, М.-Л., 1961; А. А. Зимин, «Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV-первой трети XVI в.», *История СССР*, 1973, № 3, с. 124-142; А. И. Копанев, *История землевладения Белозерского края XV-XVI вв.*, М.-Л., 1951; Н. Н. Масленникова, *Присоединение Пскова к централизованному государству*, Л., 1955; Она же, «О земельной политике Василия III в Пскове», *Россия на путях централизации*, М., 1982, с. 58-65; Б. Н. Флоря, «О путях централизации Русского государства (На примере Тверской земли)», *Общество и государство феодальной России*, М., 1975, с. 281-290; С. З. Чернов, указ. соч.; В. С. Шульгин, «Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в XV-первой половине XVI в.», *Научные доклады высшей школы: Исторические науки*, 1958, № 4, с. 3-15.

3. Существенные сдвиги в этом вопросе намечены рядом новейших исследований, посвященных изучению обстоятельств подчинения Москвой нижегородских князей в конце XIV- первой половине XV в. А. А. Горский, «Замужества дочери Василия I и судьба Нижегородского княжения», *Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти: (XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Паушто): Материалы конференции*, М., 2001, с. 71-74; В. Д. Назаров, «Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века», *Архив русской истории*, вып. 7, М., 2002, с. 35-82; Б. М. Пудалов, «Нижегородское Поволжье в первой трети XV века (Новый источник)», *Городецкие чтения*, вып. 3: *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Александр Невский и его эпоха»*, Городец, 2000, с. 97-102; П. В. Чеченков, «Золотая Орда и Нижегородская земля в конце XIV-первой четверти XV вв.», *Поволжье в средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова*, Нижний Новгород, 2001, с. 130-131; Он же, «Интеграция нижегородских земель в политическую систему великого княжества Московского в конце XIV-первой половине XV в.», *Нижегородский кремль: К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI в.: Материалы научной конференции*, Нижний Новгород, 2001, с. 45-57; Он же, «Городецкий удел в конце XIV - начале XV в.», *Городецкие чтения*, вып. 4:

отсутствие единого комплекса источников для данного региона. Особенное затруднение вызывают вопросы, связанные с нижегородским дворянством. Его представители отсутствуют в Тысячной книге и в Дворовой тетради, тексты которых позволяют охарактеризовать состав Государева двора⁴. Не дошли до нас от интересующего времени и нижегородские десяти, фиксировавшие рядовых уездных дворян. Представленная работа, в некоторой степени, могла бы восполнить обозначенный пробел. При этом она не претендует на исчерпывающую полноту, ее задача куда скромнее – наметить пути решения вопроса.

Хронологические рамки данного исследования обусловлены серьезными изменениями в социально-политической обстановке, складывающейся в крае и в стране в целом в середине XV - середине XVI вв. К середине XV в. заканчивается длительная борьба за присоединение Нижегородского княжества, этап государственно-политического вхождения оказывается пройден. Начинается относительно спокойный период интеграции порубежного региона в состав единого государства. Еще через сто лет, после взятия поволжских ханств, край из базы противостояния татарам превращается во внутреннюю мирную область, что повлекло за собой изменения в социальном облике региона. Кроме того, реформы середины XVI в. значительно изменили систему управления в стране. Реализация административной реформы на территории Нижегородского края может быть рассмотрена отдельно.

Централизация государства, как известно, проявлялась не только в создании новых общегосударственных учреждений или в укреплении самодержавия, но и в постепенном стирании различий между землями, в миграциях, перемешивании феодальной верхушки, социальной стандартизации. Этому способствовала политика, проводимая московскими великими князьями. Естественно, что она не могла обойти стороной Нижегородский край. В 1478 г., после покорения Великого Новгорода, состоялся первый «вывод». По летописным данным новгородцы были перемещены в Нижний Новгород. Через десять лет, зимой 1488/1489 г. из Великого Новгорода было выведено более тысячи бояр, житных людей и

*Материалы научно-практической конференции «Городец на карте России: история, культура, язык», Городец, 2003, с. 30-41; Он же, «Князь суздальского дома и борьба за власть в Нижегородском великом княжестве», Мининские чтения: Материалы научной конференции, Нижний Новгород, 2003, с. 89-100. Проблема присоединения Нижегородского княжества посвящена отдельная глава монографии С. А. Фетищева. См.: С. А. Фетищев, *Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389-1395 гг.*, М., 2003, с. 95-132.*

4. См.: *ТКДТ*. В ходе обсуждения нашего проекта на заседаниях Летней школы В. Д. Назаровым было выдвинуто предположение, объясняющее отсутствие специального раздела по Нижнему Новгороду в Дворовой тетради. Согласно этому мнению нижегородские дети боярские могли числиться в приказе первоначально Нижегородского и Мещерского, а после 1552 г. Казанского (и Мещерского) дворца и учитываться по особому списку, как особым образом учитывались новгородцы или смоляне.

гостей. Они были размещены по центральным и восточным городам, в том числе, в Нижнем Новгороде. Это только акции, связанные упоминаниями источников с интересующим нас регионом. Была еще массовая конфискация новгородских земель 1483-1484 гг, и другие изъятия, сопровождавшиеся выводами в московские города⁵. Частому упоминанию Нижнего Новгорода, в связи с великокняжескими мероприятиями в Новгороде Великом, соответствует особенно большое число новгородских фамилий, зафиксированных в Нижегородском уезде документами XVI-XVII вв. С. Б. Веселовский насчитал их сорок шесть⁶. Перечень С. Б. Веселовского может быть дополнен еще семнадцатью фамилиями на основе различных нижегородских документов. В их числе разобранные А. В. Антоновым поместные акты, восходящие к архиву Нижегородской приказной избы⁷. К сожалению, точными деталями биографии и генеалогии предполагаемых «сведенцев» мы не располагаем и поэтому, также как и у С. Б. Веселовского, наш перечень может содержать отдельные неточности. Итак, в Нижний Новгород, вероятно, попали (помимо названных С.Б. Веселовским) представители следующих новгородских фамилий: Босоволковы, Бровцыны (Брейцыны), Дубровские, Зубатые, Кисляковы, Косткины, Лесские (Левские, Ляцкие), Машковы, Палицыны, Рушаниновы, Савельевы, Савины, Селифонтовы, Скрипцовы, Солонениновы, Троицкие, Черноруцкие⁸.

Для Нижегородского края подобные перемещения играли особо важную роль (помимо создания однородного единого служилого сословия в рамках

5. *ПСРЛ*, т. 15, М., 2000, с. 497-498; т. 6, СПб., 1853, с. 37, 238, 239; т. 20, 1-я пол., СПб., 1910, с. 353; т. 8, СПб., 1859, с. 217-218; т. 12, М., 1965, с. 218-221; т. 24, Пг., 1921, с. 205; *Иоасафовская летопись*, М., 1957 (далее – *ИЛ*), с. 127; С. Б. Веселовский, *Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси*, т. 1, М. - Л., 1947, с. 284-287.

6. С. Б. Веселовский, *Феодальное землевладение ...*, с. 321-322.

7. А. В. Антонов, «Нижегородские поместные акты конца XVI – начала XVII вв.», *РД*, вып. 5, М., 1999, с. 212-274.

8. Там же, № 45, 89, 95, 97, 99, 115, 122, 123, 139, 144, 148, 156, 160, 171, 180; А. В. Антонов, А. В. Маштафаров, «Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV – начала XVII вв.», *РД*, вып. 7, М., 2001, № 38, с. 426; № 44, с. 427; № 49, с. 428; А. В. Антонов, «К начальной истории нижегородского ополчения», *РД*, вып. 6, 2000, с. 223; № 8.П; «Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов», вып. 3, ч. 1, под ред. А. К. Кабанова (далее – Кабанов), *Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Сборник*, т. 14, Нижний Новгород, 1913, № 3, с. 8-10; № 6, с. 12; № 8, с. 12-13; № 12, с. 15-16; № 19, с. 22-23; 27-28; № 63, с. 78-81; *АГР*, т. 1, Киев, 1860, № 51, с. 67-68; № 75, с. 208, 211; Н. П. Лихачев, *Сборник актов собранных в архивах и библиотеках*, вып. 1-2, СПб., 1895, № XII, с. 221-222, 225; *АСЗ*, т. 1. М., 1997, № 132с, с. 103-104; *АСЭИ*, т. 3, М., 1964, № 305, с. 334; ЦАНО, ф. 579, оп. 589, д. 5, л. 2; *Нижегородский летописец. Работа А. С. Гациского*, Нижний Новгород, 1886, с. 34. При выявлении переселенцев из Новгорода использовался составленный А. М. Гневушевым список новгородских землевладельцев, потерявших вотчины в ходе конфискации Ивана III. А. М. Гневушев, *Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве*, т. 1, ч. 1, Киев, 1915, с. 300-337.

всего государства). Речь идет об освоении пограничной с Казанским ханством территории. Она и в XIV в. была слабо заселена⁹, а в XV в. постоянно становилась ареной военных конфликтов. В таком состоянии Нижегородский край не мог бы стать надежным щитом Московского государства. Освоение шло на новых принципах поместной системы. При ее помощи служилые землевладельцы ставились в прямую зависимость от правительства. Массовые испомещения обеспечивали усредненные размеры земельной собственности, что в свою очередь было оптимально для эффективного исполнения военно-служебных обязанностей. Так закладывались основы боеспособной местной дворянской корпорации, которая должна была стать надежным щитом в руках московских князей в деле борьбы с казанской агрессией.

Уже в самом скором времени летописи начинают сообщать об использовании в военных операциях против татар нижегородских детей боярских (наряду с дворянами Муром, где также были испомещены новгородцы)¹⁰. К сожалению, совсем не многие из них названы по именам. Так среди участников боевых действий во время ликвидации Казанского ханства в 1552 г. известен нижегородец сын боярский Костя Доможиров. По всей видимости, он являлся потомком богатого рода новгородских бояр¹¹. Источниками упомянут Савва Жедринский – член астраханской экспедиции 1554 г., воевавший вместе с другими нижегородскими детьми боярскими под командованием князя Александра Вяземского¹².

9. В. А. Кучкин, *Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв.*, М., 1984, с. 119-231.

10. *ПСРЛ*, т. 24, с. 187; т. 6, с. 187; т. 20, 1-я пол., с. 279; т. 8, с. 153, 231-232; т. 12, с. 119, 242-243; т. 22, ч. 1, СПб., 1911, с. 469; *ИЛ*, с. 55-56.

11. *ПСРЛ*, т. 13, М., 1965, с. 179, 477-478; т. 20, 2-я пол., СПб., 1914, с. 494-495; А. М. Гневушев, указ. соч., с. 315, 307-308. Костя, по-видимому, тоже самое лицо, что и Константин Русинов сын Доможиров. Около 1554 г. он послух в зарядной записи Нижегородского Печерского монастыря. Заложил вместе с тещей в 1559/1560 г. село в Муромском у. Его отцом можно считать Русина Михайлова сына – ключника Нижнего Новгорода в 1539 г. См.: Н. П. Лихачев, указ. соч., № VII, с. 161, № XII, с. 224; *АССЕМ*, № 27, с. 71; Кабанов, № 7, с. 12; А. В. Антонов, А. В. Маштафаров, указ. соч., № 49, с. 428; А. В. Антонов, «Частные архивы русских феодалов XV – XVII вв.», *РД*, вып. 8, М., 2002, № 2365, с. 298.

12. *ПСРЛ*, т. 20, 2-я пол., с. 550. Жедринские представляли собой известный нижегородский дворянский род, представители которого многократно упоминаются источниками. Нижегородский летописец под 1577/1578 г. содержит сообщение о ключнике Нижнего Новгорода – Савелии Алферьеве сыне Жедринском. С уверенностью можно считать его сыном Алферия Жедринского, который в 1519 г. был дворским Нижнего Новгорода, а в 1539/1540 г. – городовым приказчиком. См.: *Нижегородский летописец*..., с. 35-36; Кабанов, № 19, с. 27; *АГР*, т. 1, № 75, с. 211; А. В. Антонов, А. В. Маштафаров, указ. соч., № 168, с. 447. В синодиках середины XVII в. Нижегородских Спасо-Преображенского собора и Печерского монастыря записаны два рода Дмитрия и Владимира Савичей Жедринских (род последнего только в спасском). Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека (НГОУНБ). Отдел редких и рукописных книг, ф. 1, оп. 2, № 26 (Р/1028), л. 73-74; ЦАНО, ф. 2636, оп. 2, д. 2, л. 40 об.

Политика Ивана III была продолжена его сыном и преемником Василием. В литературе приводился случай Семена Скорятина, который, отстаивая свои права перед судьями, заявил, что у него имеется грамота на спорное селище великого князя в Нижегородском уезде. На вопрос о старожильцах, которые могли бы свидетельствовать в пользу Скорятиных, Семен сказал: «Яз, господине, здесе человек заведенной, старожильцев, господине, у меня на ту землю нет». Предварительное судебное разбирательство на месте происходило не позже 1517 года. По свидетельству монастырских старцев, Скорятины вступались в их владения уже три года. Значит, получение этими детьми боярскими поместья и их переезд на новые земли произошли около 1514 г.¹³ На конец 1514 – начало 1515 г. пришлось начало «вывода» из присоединенного Смоленска. В результате правительственных действий на московскую службу среди других смолян попали Бобоедовы, а также, вероятно, Коровины¹⁴. Землевладение их предполагаемых родственников фиксируется в Нижегородском уезде по материалам 50 – 70-х гг. XVI в.¹⁵

В 1520 г. в Нижегородском уезде был пожалован поместьем Строй Григорьевич Лачинов. М. П. Лукичев и В. Д. Назаров, основываясь на родословии Лачиновых, пришли к выводу, что последние являлись выходцами из великого княжества Литовского, испомещенными в период русско-литовских войн конца XV – начала XVI в. в интересующем нас регионе¹⁶. Правда, возможен и другой вариант происхождения Лачиновых, согласно которому родоначальником был новокрещен Юрий Алачин, сделавший в первой половине XV в. богатый земельный вклад в Нижегородский Печерский монастырь¹⁷. Так или иначе, но здесь же, на восточной окраине, Строй Лачинов нес военную службу, защищая страну от татарских набегов. Он должен был «годовать» в 1553 г. во вновь выстроенном городе Шацке в Мещере. Его родной брат Мокий – «годовой» приказной в том же Шацке в 1557/1558 г. Интересно, что Строй по какой-то причине не смог в 1553 г. выполнить свои обязанности и вместо него несли

13. В. Б. Кобрин, *Власть и собственность в средневековой России (XV – XVI вв.)*, М., 1985, с. 100-101; *АГР*, т. 1, № 66, с. 129, 130; А. В. Антонов, «Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря», *РД*, вып. 6, М., 2000, с. 161, 163.

14. М. М. Кром, *Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV-первой трети XVI в.*, М., 1995. прил. II, с. 238, 241. Частью Бобоедовы были размещены в Юрьеве.

15. *АСЗ*, т. 1, № 31, с. 31; А. В. Антонов, «Нижегородские поместные акты...», указ. соч., № 148; А. В. Антонов, «Частные архивы...», указ. соч., № 871, с. 114.

16. М. П. Лукичев, В. Д. Назаров, «Документы XVI в. из новых родословных росписей конца XVII в.», *Генеалогические исследования*, М., 1994, с. 100, 107-108 (№ 5).

17. А. В. Антонов, А. В. Маштафаров, указ. соч., № 17, с. 421. Датировка вклада является предметом дискуссии. См.: В. А. Максин, Б. М. Пудалов, «Докладной судный список 1509 года из архива Нижегородского Печерского монастыря», *РД*, вып. 4, М., 1998, с. 113; Н. В. Соколова, «Еще раз о древнейших актах Нижегородского Печерского монастыря», *Поволжье в средние века...*, с. 159.

службу Юрий Филиппов сын Осорьин и Борис Хохлов¹⁸. Осорьины были муромскими дворянами, но некоторые представители их рода в 20 – 90-х гг. XVI в. обладали «старыми» поместьями в Нижегородском уезде¹⁹. Хохловы, известные в первую очередь по материалам Гороховца и Нижнего Новгорода, имели земли в Костромском уезде²⁰. Таким образом, нижегородское дворянство было тесно связано во владельческом и служебном отношении с соседними порубежными уездами и тем самым ориентировано на защиту восточной границы Русского государства.

Состав нижегородского дворянства продолжал пополняться и в последующие годы. Судя по косвенным, весьма неполным данным, при Иване IV массовые отделы здесь проводились в конце 50-х – начале 60-х гг., а так же в годы Ливонской войны²¹. Обнаруживаются следы особой политики, проводившейся московским правительством в период подчинения Казанского ханства. Документы фиксируют в 50-60-х гг. на давно освоенных русскими территориях нижегородского правобережья Волги селения, которые были «за новокрещены, что была луговая черемиса». Среди нижегородских детей боярских и землевладельцев встречаются Афоня Новокрещен, «новокрещеный мордвин» Назар Мелсянинов²². По-видимому, из этой же среды происходил Дмитрий Старков сын Кичемасов – местный землевладелец, занимавший в 1558/1559 г. важную в Нижегородском крае кормленую должность ключника²³. Вероятно, таким образом правительство пыталось привлечь на свою сторону часть населения недавно

18. *РК 1475-1598 гг.*, М., 1966, с. 139, 169, 145 (упоминаются также Добыча и Тимофей Лачиновы, первый – годовой в Арзамасе в 1578/1579 г., второй – голова в Санчурске в 1586/1587 г. Там же, с. 300, 390).

19. *АСЭИ*, т. 3, № 114, 115, с. 150-151, 493, прим. 114; А. В. Антонов, «Частные архивы...», указ. соч., № 2360-2368, с. 297-298; *АСЗ*, т. 2, М., 1998, № 337, 338, с. 297-298.

20. *Акты Российского государства 1505-1526 гг.*, М., 1975, № 10, с. 18; Н. П. Лихачев, указ. соч., № VII, с. 161; *АСЕМ*, № 27, с. 70; № 139, с. 273-274; *АСЗ*, т. 1, № 290, с. 282-283; НГОУНБ., ф. 1, оп. 2, № 37 (Р/1040), л. 52; Н. Г. Анпилов, *Нижегородские документы XVI века (1588-1600 гг.)*, М., 1977, с. 95-96.

21. В. Б. Кобрин, указ. соч., с. 131-132; *Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества*, собр. и изд. А. Юшков, ч. 1, М., 1898, № 187, с. 169-170; *Арзамасские поместные акты (1578-1618 гг.)*, собр. и ред. С. Б. Веселовский, М., 1915, № 409.9, с. 582-583. Если в начале XVI в. вотчина Нижегородского Печерского монастыря на р. Пьяне со всех сторон была окружена великокняжескими мордовскими землями, то к 1562 г. вокруг оказалось много владений «нижегородских детей боярских новых помещиков... [курсив наш – Л.Ч.]» (Кабанов, № 22, с. 36-37. Ср. В. А. Максин, Б. М. Пудалов, указ. соч., с. 111-119). Об отделах в годы Ливонской войны см. ниже.

22. *АСЕМ*, № 127, с. 257; Н. П. Лихачев, указ. соч., № XII, с. 235-236. Луговая черемиса населяла левый берег Волги в районе рр. Ветлуги, Рутки и др. В сохранившихся выписях из дозорных книг 1570/1571-1573/1574 гг. среди помещиков зафиксированы Афанасий Мокеев сын Новокрещен, Мордвин Юрьев сын Воецкий, мордовский новокрещен Никифор Алексеев сын. РГАДА, ф. 1209, Нижний Новгород. Стб. № 457/20868, ч. 2, л. 358-359, 380, 414.

23. А. В. Антонов, А. В. Маштафаров, указ. соч., № 183, с. 451; Кабанов, № 19, с. 34; *АГР*, т. 1, № 75, с. 217.

присоединенных территорий. Русские получали исконные владения мордвы, а кто-то из ее представителей оказывался на землях русских. Такое перемешивание и неизбежная русификация части местных народностей, безусловно, были в интересах государства и способствовали укреплению власти в регионе.

В годы Ливонской войны в Нижегородском крае появилось значительное число выходцев из Польско-Литовского государства. В текстах нижегородских поместных актов конца XVI – начала XVII в. из архива Нижегородской приказной избы сохранилась 61 выпись из дозорных книг 1571/1572 г. По выписям известно 95 фамилий нижегородских помещиков, владеющих землями на момент описания, из них 20 % – «паны»²⁴.

Совершенно не проясненной из-за практически полного отсутствия источников остается судьба служилых родов Нижегородского княжества. По-видимому, они не были «сведены» в период присоединения, но отыскать их следы крайне сложно. Вероятно, какие-то связи с Нижним Новгородом сохранились у Карамышевых, потомков боярина Семена Карамышева. Он являлся воеводой князя Даниила Борисовича, наиболее последовательного противника Москвы из Суздальских Рюриковичей. В первой трети XV в. мать Семена Марина сделала вклад в Нижегородский Печерский монастырь с сыновьями Семеном, Давыдом и Иваном. Род Марины записан в монастырском синодике. Григорий Яковлев сын Карамышев в 1541 г. выступил послухом в записи с обязательством нижегородских посадских тому же монастырю²⁵. Семейство Кожиных в районе Гороховца обладало вотчинами, о которых известно по документам первых десятилетий XV в. и начала 70-х гг. XVI в.²⁶ Гороховецкая волость была частью Нижегородского княжества и еще в первой трети XVI в. оставалась частью Нижегородского уезда. Вероятно, Кожины сохранили свои земли еще со времен нижегородского суверенитета.

У некоторых служилых фамилий существовали в XVI в. связи как с Нижегородским краем, так и с Суздальским уездом. Возможно, корни этих дворян уходили в период Нижегородско-Суздальского княжества. Хорошо известны суздальские землевладельцы Перепечины. В 1533 г. в Узольской волости Балахнинского уезда Дмитрию «с братьею» Семеновым детям

24. А. В. Антонов, «Нижегородские поместные акты...», указ. соч., с. 212-261. Так же см.: *ПСРЛ*, т. 13, с. 397; Описи царского архива XV века и архива посольского приказа 1614 года, М., 1960, с. 39 («ящик 202»); *АСЗ*, т. 1, № 132, 133, с. 103-105; т. 2, № 172, с. 165-166.

25. *ПСРЛ*, т. 27, М.-Л., 1962, с. 97; т. 26, М., 1959, с. 178-179; А. В. Антонов, А. В. Маштафаров, указ. соч., № 12, с. 420-421; ЦАНО, ф. 2636, оп. 2, д. 2, л. 37 об.; ф. 579, оп. 589, д. 5, л. 2 (Из пяти послухов зафиксированных в записи, Карамышев, по-видимому, обладал самым высоким социальным статусом т.к. записан первым, а вторым и третьим фигурируют дети боярские в разное время исполнявшие обязанности ключника).

26. *АСЭИ*, т. 3, № 485, 486, с. 468-469; № 493, с. 472-473; *АССЕМ*, № 176, 177, с. 338, 339.

Перепечиным принадлежало сельцо Спасское²⁷. В Тысячной книге и Дворовой тетради по Суздалью записаны дети боярские Девочкины. В тоже время в XVI в. различные Девочкины владели землями в Нижегородском крае, дворами в Нижнем Новгороде, занимали должности волостелей, ключников на которые здесь обычно назначались местные дети боярские²⁸. Возможно, коренными нижегородцами были Жедринские – разветвленный и влиятельный местный род, у которого не удалось обнаружить связей со служилыми корпорациями других уездов.

Нижегородские дворяне принимали активное участие в местном управлении задолго до реформ середины XVI столетия. Практически единственной недоступной для них была должность наместника Нижнего Новгорода. Ее занимали члены Государева двора, которых можно причислить к княжеско-боярской элите. Среди этой части двора они, однако, не занимали передовых позиций к моменту назначения в Нижний Новгород. Как правило, мы имеем дело с нетитулованной знатью, представителями старейших боярских родов в основном уже сходящих с большой политической арены. Лица, добившиеся в конечном итоге значительного успеха на службе, становились нижегородскими наместниками на заре карьеры и до вхождения в Думу²⁹. Поскольку значимость кормления определялась в первую очередь его доходностью, можно полагать, что пожалование Нижним Новгородом было не самым привлекательным для верхушки служилого сословия.

Волостельства в Нижегородском крае получали представители иной социальной группы. Здесь не встречаются члены известных княжеских или боярских родов. Тем не менее, уже само право на кормление говорит о том, что мы имеем дело не с рядовым городовым дворянством. Фамилии некоторых из интересующих нас волостелей находим в Дворовой тетради. Младших родственников волостелей – в разрядных книгах и боярских списках³⁰. При этом ни у кого из прошедших через нижегородские волостельства не зафиксированы пожалования наместничествами. Никто из

27. С. В. Сироткин, «Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда», *Очерки феодальной России*, вып. 6, М., 2002, с. 151.

28. *ТКДТ*, с. 65, 153-154; *ПСРЛ*, т. 20, 2-я пол., с. 442; Кабанов, № 15, с. 18; А. В. Антонов, «Нижегородские поместные акты...», указ. соч., № 142, 145, 167; *АФЗХ*, ч. 3, М., 1961, № 26, с. 49; *АГР*, т. 1, № 666 с. 129-131; А. В. Антонов, «Правая грамота 1555 года...», указ. соч., с. 156-157, 161-163; ЦАНО, ф. 2013, оп. 1, д. 2, л. 1-1 об.

29. Имеем в виду И. В. Хабарова Симского и С. К. Заболоцкого. *ПСРЛ*, т. 8, с. 245; *РК 1475-1605 гг.*, т. 1, ч. 2, М., 1977, с. 286; *РК 1475-1598 гг.*, с. 100. Об их карьере см.: С. Б. Веселовский, *Исследования по истории класса служилых землевладельцев*, М., 1969, с. 318-320, 331-355; А. А. Зимин, *Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV- первой трети XVI в.*, М., 1988, с. 220-221, 223-227.

30. Доможировы, Елизаровы, Осорьины, Хохловы : *ТКДТ*, с. 157-158; *РК 1475-1598 гг.*, с. 145, 291, 300, 486, 487, 494, 505, 514; *Боярские списки последней четверти XV – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г.*, ч. 1, М., 1979, с. 152, 189, 218.

них сам не записан в разрядных книгах, куда попадали представители служилой элиты. Наконец, почти все о ком есть хотя бы минимальная информация, связаны с провинциальным землевладением и уездными корпорациями. В соответствии с этими данными можно отнести волостелей Нижегородского края к выборному дворянству, занимавшему промежуточное положение между столичным и провинциальным.

Обращает на себя внимание следующий факт. Нижегородские волости доставались в кормление, как правило, местным детям боярским Муромского и Нижегородского уездов. Такое положение не было обязательным, никаких официальных установлений на этот счет не известно. К тому же и сами дворяне, прошедшие через нижегородские волостельства, получали кормления по всей стране. Но в нижегородских волостях «чужаков» мы не находим.

Различие в социальном происхождении наместников и волостелей делает в какой-то степени понятным отсутствие указаний в источниках на исполнение наместниками административно-хозяйственных функций. Волостели из местных землевладельцев были теснее связаны с заботами и проблемами повседневной жизни края. Тогда как приезжавшие издалека наместники, по-видимому, видели свою задачу в том, чтобы как следует «подкормиться» при этом в минимальной степени обременяя себя сиюминутными местными вопросами.

Во второй половине XV в. на территории края происходили определенные изменения в управлении, которые были связаны с оформлением в рамках всего государства дворцового ведомства. Одним из них было появление должности ключника Нижнего Новгорода («кормление нижегородским ключом»). Ключник контролировал по всем вопросам дворцовые и оброчные земли и обладал правом суда над подчиненной ему категорией населения, а также разбирал их конфликты с посторонними землевладельцами. Верховной инстанцией, которой подчинялся ключник, был великокняжеский дворецкий. Дворцовые и оброчные территории находились в самых разных частях края. Поэтому и прерогативы ключника Нижнего Новгорода распространялись на весь Нижегородский уезд, чего мы, по понятным причинам, не можем сказать о должностях волостелей, да, вероятно, и наместников тоже. Поскольку дворцовые и оброчные земли в Нижегородском крае были очень обширны, то и должность ключника становилась важнейшей в системе местного управления. Люди, занимавшие ее, принадлежали к той же категории, что и местные волостели. В подавляющем большинстве случаев прямо или косвенно устанавливается связь ключников с нижегородским служилым землевладением. Ряд родов чаще других получают кормления волостями или «ключом»: Апраксины, Бровцыны (Брейцыны), Девочкины, Доможировы, Осорьины, Языковы. Однако при общей схожести социального состава волостелей и ключников, наблюдаются и некоторые различия. Так ни у кого из ключников не удалось обнаружить других кормлений. Фамилии далеко не всех ключников

записаны в Дворовую тетрадь, разрядные книги или боярские списки, попадание в которые свидетельствует о принадлежности к Государеву двору. Возможно, кормление ключом было несколько менее престижно и доходно, чем волостью в уезде этого же города³¹.

Новой фигурой местного управления в XVI в. становится городской приказчик. Деятельность городских приказчиков в Нижегородском крае интересующего нас периода связана в первую очередь с городами и околгородными территориями. По известным нам материалам, она имела административно-финансовую направленность. Это учет городских дворовых мест и контроль за их использованием, вероятно, надзор за общим правопорядком в городе, а также за отбыванием тягла и сбором косвенных налогов, участие в судебных разбирательствах по делам городских людей и духовных корпораций. Возможно, городские приказчики осуществляли и контроль над состоянием землевладения на ближайшей к городу территории³². Данный институт несколько не потеснил ключников. Не видно никакого ущемления прав наместника или контроля над его деятельностью. Городовой приказчик скорее заполнил некий вакуум власти, существующий вокруг наместника. Появление городских приказчиков восполняло недостатки кормленной системы. В Нижегородском уезде активно действовали волостели и ключники. В результате и полномочия городского приказчика Нижнего Новгорода ограничились сферой деятельности наместника, т.е. городом и околгородной округой. В Балахнинском уезде сложилась иная ситуация. В Зауольской волости этого уезда не было волостеля, т.к. она являлась дворцовой, но в уезде отсутствовала и должность ключника. Данное обстоятельство привело к совмещению должностей балахнинского городского и зауольского приказчиков³³.

31. В. А. Максин, Б. М. Пудалов, указ. соч., с. 114-119; *АСЭИ*, т. 2, М., 1958, № 389, с. 395-396; *АФЗХ*, ч. 3, № 6, с. 17; *АФЗХ*, Акты Московского Симонова Монастыря (1506-1613 г.), Л., 1983, № 81, с. 94; № 88, с. 100-101; № 154, с. 199; *АСЗ*, т. 1, № 310, 311, с. 301-302; Кабанов, № 6-8, с. 11-13; № 19, с. 24-25, 27-28; № 24, с. 38; *АГР*, т. 1, № 75, с. 209-211; Н. П. Лихачев, указ. соч., № XII, с. 221-222, 224, 225; *Акты, относящиеся до юридического быта России*, т. 1, СПб., 1857, № 44.I, с. 139-140; *Сборник Муханова*, 2-е изд., доп., СПб., 1866, № 287, с. 576-577; *Нижегородский летописец...*, с. 34; А. В. Антонов, А. В. Маштафаров, указ. соч., № 38, с. 426; № 183, 189, с. 451; А. В. Антонов, «Частные архивы...», указ. соч., № 758, с. 100-101.

32. Кабанов, № 6-8, с. 11-14; № 13, с. 16-17; № 19, с. 28, 30; *АГР*, т. 1, № 75, с. 212-214; М. [А.] Дьяконов, *Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве*, вып. 2, Юрьев, 1897, № 17, с. 13-14; *Сборник Муханова*, № 287, с. 576-577; *АФЗХ*, Акты Московского Симонова Монастыря, № 81, с. 94; А. В. Антонов, А. В. Маштафаров, указ. соч., № 43, 44, с. 427; № 168, с. 447.

33. С. В. Сироткин, указ. соч., с. 167.

Городовыми приказчиками в Нижнем Новгороде становились люди разного социального статуса, возможно, в какие-то моменты и посадские³⁴. Но в основном это были представители тех же крупнейших нижегородских дворянских фамилий, которые обнаруживаются и на других постах в местном управлении. Вместе с тем существовали и определенные уровни престижности этих должностей. Так, из многочисленных Жедринских только один смог стать ключником, и никого из них мы не видим среди волостелей. Место городского приказчика, возможно, не пользовалось у детей боярских таким большим «спросом», как должности ключника и волостеля, потому что не было кормленным.

В годы решающей схватки с Казанским ханством, с началом «царских» походов в управлении Нижегородским краем произошли существенные изменения. В это время городовым воеводам были преданы чрезвычайные полномочия, они получили функции гражданского управления, ранее присущие только наместникам. При этом их прерогативы, судя по всему, распространялись не только на город и околгородную округу, но и на весь уезд³⁵. Концентрация властных полномочий в руках воевод укрепляла связь местного управления с центральным аппаратом. Следовательно, система воеводского правления, введенная позднее на территории покоренного Казанского ханства и после распространенная на все государство, первоначально прошла апробацию на русских землях.

Таким образом, на примере Нижегородского края середины XV – середины XVI в. мы можем проследить некоторые особенности формирования провинциального дворянства восточных окраин молодого русского государства. Не используя «вывод», московское правительство, по-видимому, полностью размыло существовавшее здесь немногочисленное служилое сообщество, путем пополнения посторонними родами из самых разных частей страны. Нижегородское дворянство не оставалось не у дел в своем регионе, но было привлечено через наиболее влиятельные фамилии к местному управлению. При этом центральной фигурой в уезде являлся наместник, лицо «внешнее», представлявшее «центр» и осуществлявшее

34. Данила Иванов сын Соколов известен в 1558/1559 г., как нижегородский городской приказчик, а в обыскных речах от 19 июля 1554 г. Данила Иванов сын Соколов фигурирует в списке посадских «старост и целовальников» Нижнего Новгорода (А. В. Антонов, А. В. Маштафаров, указ. соч., № 183, 189, с. 451; А. В. Антонов, «Правая грамота 1555 года...», указ. соч., с. 164; *АГР*, т. 1, № 66, с. 131). Материалы по Балахнинскому уезду показывают, что здесь должность городских приказчиков могли занимать не только представители местных дворянских родов, но и дьячества, а также верхушки посада.

35. *АФЗХ*, Акты Московского Симонова Монастыря, № 88, с. 100-101; № 154, с. 192; *АГР*, т. 1, № 66, с. 128-133; А. В. Антонов, «Правая грамота 1555 г...», указ. соч., с. 159-167; Н. П. Лихачев, указ. соч., № XII, с. 220-236; А. В. Антонов, А. В. Маштафаров, указ. соч., № 58, с. 430; № 174, с. 448; № 183, 189, с. 451, А. В. Антонов, «Вотчинные архивы владимирских монастырей и соборов XIV-начала XVII в.», *РД*, вып. 4. М., 1998, № 90, 91, с. 193; А. В. Антонов, «Частные архивы...», указ. соч., № 2600, с. 326.

общий надзор. Ряд шагов, предпринятых властями в обозначенный нами период, способствовали централизации управления Нижегородским краем и укреплению связей его населения с остальными районами страны. Тем самым некогда независимый регион был успешно встроен в административную структуру государства, а местное служилое дворянство стало надежной опорой правительства.

*Нижегородский государственный педагогический университет
Кафедра истории России
Нижний Новгород*

chechenkoff@yandex.ru